

К ВОПРОСУ О ЗАРОЖДЕНИИ ФЕОДАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ В ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Тема принадлежит к числу первостепенных и в высшей степени актуальных для древнерусской историографии. Однако исследовательский интерес к ней постепенно угасал, начиная с конца 60-х

годов XX в. Методологические проблемы в советской исторической науке (обычно основывавшейся на прямолинейном понимании марксистского наследия) затрагивались нечасто. Многообразные процессы и явления истории Средневековья объяснялись почти исключительно социально-экономическими причинами, все же прочие (политические, этнические, культурные, идеологические) мало принимались в расчет. Краткий и непредвзятый, как мне кажется, обзор литературы убеждает в этом.

История феодальной формации на Руси в нашей стране начала систематически изучаться с 30-х годов XX в.¹ Инициатива в этом принадлежала Б. Д. Грекову, достигшему, по мнению Л. В. Черепнина, в этом выдающихся результатов [Черепнин, с. 135 и сл.]. На взгляд Б. Д. Грекова, родовые отношения в восточнославянском обществе во времена Древнейшей Русской Правды (начало XI в.) отмирали, а Правда Ярославичей тогда уже отражала феодальный уклад [Греков, 1933, с. 14–17]. Вскоре ученый предложил рассматривать существование феодального уклада в России с X по XVI в. [Греков, 1934]. Он в то время был убежден, что уже к X в. у восточных славян складывается феодальное общество. В дальнейшем историк колебался в определении отрезка времени, когда в рамках родоплеменного общества зарождаются феодальные отношения. Под давлением жестких установок Коммунистической партии он в конце жизни утверждал, что «начиная с IX в. во всяком случае можно говорить о наличии на Руси феодального способа производства, можно говорить об оформлении феодального базиса» [Греков, 1953, с. 528]. Рассуждения Б. Д. Грекова о времени возникновения феодального уклада на Руси носили отвлеченный, сугубо теоретический характер и почти не опирались на источники. Но авторитет этого выдающегося ученого был столь высок, что его мнение утвердилось в советской науке и господствовало многие годы.

Концепцию Б. Д. Грекова поддержал П. Н. Третьяков, по мнению которого даже в VII–IX в. в среде восточного славянства могли возникать «полупатриархальные-полуфеодальные политические объединения» или «племенные княжения». Тогда государственность у восточных славян была феодальной, пусть раннефеодальной, она была органом господства складывавшегося «феодального класса над закрепощаемым крестьянством» [Третьяков, 1953, с. 299, 304, 305]². Даже для начала 50-х годов XX в. эта мысль выглядела излишне категоричной, о феодальном (или полуфеодальном) государстве для VII–IX в. говорить, разумеется, было преждевременно.

Другой авторитетный ученый, археолог и историк Б. А. Рыбаков писал о возникновении классовых отношений в восточнославянском обществе в IX–X в., завершившемся созданием феодального государства на Руси. В первом томе «Истории СССР» он называет время с VI по IX в. «предфеодальным периодом», а возникновение феодального государства относит к рубежу VIII и IX в. [История СССР, с. 354, 477]. Эта мысль, при кажущейся ее парадоксальности, с современной точки зрения выглядит не лишенной правдоподобности. А специалист по ранней древнерусской истории И. И. Смирнов поддержал взгляды Б. Д. Грекова на проблему, когда тот

¹ Кратко рассматриваются работы, оказавшие влияние на последующие исследования в этой области.

² Эту же мысль он привел в книге: Третьяков, 1970.

в качестве важной грани процесса феодализации восточнославянского общества особо выделяя XI в. И. И. Смирнов утверждал, что в пределах XI в. в основном завершается период генезиса феодализма на Руси. Он обосновывал это сравнительным анализом contemporaneous статей Русской Правды Краткой и Пространной редакции [Смирнов, с. 5 и сл.].

Как утверждал Л. В. Черепнин, разногласия среди ученых относительно времени и обстоятельств наступления феодальных отношений на Руси не могли отрицать того факта, что они возникали на основе разложения первобытно-общинных, но не рабовладельческих отношений. Относительно начала феодальной формации в Восточной Европе ученый заметил следующее: «Если понимать под последней систему социально-экономических отношений и соответствующих им политико-юридических форм, то, очевидно, такой гранью может служить образование феодального государства. На Руси это произошло в конце IX в.» [Черепнин, с. 145]. Но вряд ли это государство изначально было феодальным.

Приведенные слова видного теоретика в области древнерусской истории необходимо иметь в виду при изучении становления феодального уклада в Восточной Европе. Действительно, конец IX в. был временем начала строительства государства, утвердившегося в течение второй половины X—XI в. Для темы этих заметок особенно важно то, что Л. В. Черепнин не связывал напрямую возникновение феодальных отношений с рождением индивидуального землевладения, которое далеко не во всех случаях стоит называть собственностью на землю. Однако почти все другие наши историки, изучавшие тему феодализации Руси, рассматривали ее почти исключительно в «земельном» плане.

А. Я. Гуревич справедливо писал, что в советской историографии рождение феодализма изучалось в первую очередь в плане развития производительных сил, отношений различных форм собственности и социально-экономического положения непосредственных производителей. Но, по его мнению, «феодализация заключалась прежде всего в смене одной системы социальных связей другой». Исследователь напоминал читателю, что, подобно прочим историческим процессам, генезис феодализма «проходит через живых людей», феодализм представляет собой систему отношений между людьми, поэтому его изучение связано с расшифровкой социальных процессов в обществе [Гуревич, с. 5]. Существуют весомые основания принять это мнение А. Я. Гуревича.

Обращусь к авторитету крупного знатока и теоретика истории Средневековья, французского историка и культуролога Жака Ле Гоффа. Он считал, что феодальная система была универсальным способом экономической эксплуатации, схема которой при всем типологическом и географическом разнообразии остается той же самой. «Феодальная система, — писал он, — это по сути присвоение сеньориальным классом, церковным и светским, всего сельского прибавочного продукта, обеспеченного трудом крестьянской массы. Эта эксплуатация осуществляется в условиях, лишаящих крестьян возможности принимать участие в экономическом прогрессе». Ле Гофф видел в феодализме прежде всего систему личных связей, которые иерархически связывали членов высшего слоя общества. Поскольку важнейшие вопросы общественной жизни сосредоточились вокруг земельных пожалований сюзеренов вассалам, это подводило под феодализм аграрную базу и дает ясно понять, что феодализм — это, прежде всего, система землевладения и землепользования [Ле Гофф, с. 89, 212]. Взгляды Ле Гоффа распространены в современной историографии. Однако французский ученый не абсолютизировал роли феодальных отношений в истории Средневековья. Не стоит делать этого и нам³.

Полагаю, что в приходе нового уклада на Русь дело было не только в феодализации общества, а в самом восточнославянском обществе, когда социально-экономические изменения

³ В современной исторической антропологии общепризнанным является тезис, согласно которому в сознании общества взаимодействуют все три его составных элемента: экономическая структура, социальная организация и культура [Tentons l'expérience, p. 1320].

вызывались изменениями отношений во властных структурах. И если феодализм поначалу вовсе не связан с земельными отношениями и рождается вследствие прогресса отношений в социальной верхушке общества, то логично искать его истоки на заре древнерусской истории, в IX—X в.

Более или менее систематическое изучение наступления феодальной формации на Руси началось в России и затем в Советском Союзе гораздо позже, чем в странах европейского Запада. Оно неминуемо испытало на себе влияние взглядов западноевропейской историографии. В основу выработанной ею концепции рождения феодального уклада, в сущности, было положено исследование истории одной области средневековой Франции. Но определенные на этой основе причины и закономерности возникновения феодальных отношений никак не могли быть универсальными для других стран Европы, не говоря уж о странах Азии. Вместе с тем становлению и эволюции феодализма в разных странах Европейского континента присуща общая форма социальных отношений, хотя для каждого из средневековых обществ и была характерна свойственная ему многоукладная социальная структура.

Приходится учитывать и то обстоятельство, что раннефеодальное общество всюду было многоукладным. Так, в Европе после падения Римской империи находим родоплеменной уклад варваров, сочетающийся с общинными отношениями, а соседская община Средневековья значительно отличается от первобытно-родовой общины предшествующего времени [Гуревич, с. 7—14]. Социальная структура восточнославянского общества просматривается уже в первых летописных известиях о нем, начиная с 60-х годов IX в., то есть уже с первых упоминаний в источнике. В полулегендарном сообщении о приходе Рюрика на северозападные земли Восточной Европы говорится: «И прия власть Рюрикъ, и раздая мужемъ своимъ грады, овому Полотескъ, овому Ростовъ, другому Бѣлоозеро»⁴. В этом летописном тексте «мужи» отделяются от основной массы воинов Рюрика, а глава рождавшегося государства — от всех них.

Эта тенденция расслоения княжеского окружения и возвышения князя сохраняется в последующих текстах «Повести временных лет» конца IX в.: «Поиде Олег, поимъ воя многи... И прия градъ, и посади мужъ свои... И взя Любець, и посади мужъ свои» (882 г.)⁵. А в отражении событий второй войны Игоря Рюриковича с Византией под 944 г. сообщается: «Посла Игорь мужъ своя къ Роману [императору]»⁶. Нетрудно понять, что и здесь речь идет об избранных мужах, людях из окружения князя. При этом земельные отношения не фигурируют в источниках IX—X в. вовсе. Земля оставалась в корпоративной собственности правящей страты, эту собственность сугубо формально представлял киевский государь. Как известно, феодальное общество — это структурированное общество, чем выше его расслоение, тем большей может быть его феодализация.

Жена и преемница Игоря на киевском столе Ольга уже знает разных по положению мужей, по-видимому, их верхушку. Обращаясь к древлянам, просившим мира после убийства ее мужа, Ольга восклицает: «Да аще мя просите? Право, то пришлите мужа нарочиты». Смысл понятия «мужи нарочиты» раскрывает продолжение этого текста: древляне посылают к Ольге «лучшие мужи, иже дерьжаху Деревьску землю». Следовательно, нарочитые, или лучшие, мужи составляли верхушку древлянской знати, «державшую» Древлянскую землю. Когда княгиня овладевает древлянским Искоростенем, она пленных «работъ предасть мужемъ своимъ»⁷. Мужья Ольги получали от нее за службу работных людей, в данном контексте рабов. Как видим, общество времени Ольги было расслоено, оно состояло из княжеской семьи, нарочитых, или лучших, мужей (под этим термином скрывались и княжеские дружинники, и не входившие в дружину привилегированные люди) и остального народа, свободных и несвободных (рабов) людей.

⁴ Повесть временных лет / Подг. текста, перевод, статьи и коммент. Д. С. Лихачева. 2-е изд. СПб., 1999. С. 13.

⁵ Там же. С. 14.

⁶ Там же. С. 23.

⁷ Там же. С. 27—29.

Но если Киевское государство того времени имело одного князя, то в Древлянской земле, стоявшей на более низкой ступени развития, князей было несколько. Об этом свидетельствуют слова древлянских послов, прибывших в Киев после убийства Игоря и молвивших Ольге: «Посла ны Дервьвска земля, рькуще сице: “Мужа твоего убихомъ, бяше бо мужь твой аки волкъ восхищяя и грабя, а наши князи добри суть, иже распасли суть Деревьску землю”»⁸. По свидетельству летописи, социальная структура общества со временем усложняется, что отражается в видоизменении эпитетов, прилагаемых к «мужам». А стратифицированное общество, как известно, это классовое общество. Источник называет мужей Святослава «лѣпшими», а Владимир раздает грады «мужамъ добрымъ, смысленымъ и храбрымъ», среди этих мужей также выделяются «лучшие»⁹.

Бояре сопутствуют князю Олегу со времен его похода на Византию 907 г., из летописного свидетельства становится ясно, что они составляли его ближайшее окружение. Он отправляет послов к императору от себя, «от Олга, великого князя Рускаго, от всѣх, иже суть под рукою его свѣтлыхъ и великих князь, и его великих боярь»¹⁰ (слова из текста договора с греками). Трудно с уверенностью ответить, вкладывался ли особый смысл в эпитет «великие» применительно к прочим князьям и боярам. Скорее всего, нет. Потому что в тексте следующего по времени соглашения Игоря с Византией 944 г. использовано словосочетание «великий князь Руский и бояре его»¹¹.

Не стоит особенно доверять словам о светлых князьях и боярах из договоров с греками. Эти договоры являются переводами с греческого начала XII в. Переводчик использовал термины своего времени, они могут не относиться к началу — середине X в. Другое дело, когда сами летописцы начинают употреблять слово «дружина».

Равнозначно и параллельно с термином «мужи» летопись использует и понятие «дружина». Оно принадлежит к древнейшим социально-политическим понятиям древнерусских источников и появляется на страницах Новгородской первой летописи младшего извода в рассказе о призвании Рюрика с братьями в Новгород под условным 854 г.: пришли «3 брата с роды своими, и пояша со собою дружину многу и предивну, и приидоша к Новугороду»¹². Следующее упоминание о дружине (по мнению А. А. Шахматова, оно принадлежит к Древнейшему Киевскому своду) содержится в повествовании этой летописи о приходе Игоря и Олега в Киев («Повесть временных лет» относит событие к весьма условному 882 г.): они «потаистася въ лодьях, и с малою дружиною излезоста на брегъ...»¹³. В параллельных текстах «Повести временных лет» слово «дружина» заменяет понятия «вся русь» и «вои»¹⁴.

Отмечу, что известия об отношениях между князем и дружиной в «Повести временных лет» берут начало лишь с правления Игоря (после 912 г.), хотя не приходится сомневаться в том, что она формируется уже ко временам Рюрика и Аскольда. Да и само слово «дружина» появляется в «Повести» также поздно, в описании похода Игоря на греков 941 г.¹⁵ Из «Повести» и Новгородской первой летописи делается понятным, что со времен Игоря все большее значение в общественной и политической жизни Руси приобретает княжеская дружина. Она уже тогда играла исключительно важную роль и в повседневной, и в политической жизни страны, будучи и

⁸ Там же. С. 27.

⁹ Там же. С. 34, 37, 55.

¹⁰ Там же. С. 18.

¹¹ Там же. С. 24.

¹² Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов древнерусских источников / Под ред. и с предисл. А. Н. Насонова. М.; Л., 1950. С. 106.

¹³ Там же. С. 107.

¹⁴ Повесть временных лет. С. 13, 14.

¹⁵ Там же. С. 22 («Русь же възратишася къ дъружине своей»).

военной силой в руках государя, и его советом, и ближайшего окружения, с которым его связывали узы, чаще неформальные. Так бывало и в позднейшие времена, в XII и даже в XIII в. Оттуда, вероятно, берет начало корпоративность господствующего класса, столь ярко проявившаяся в России XVIII — начала XX в.

Дружина плотно окружает Игоря во время второй несчастливой войны с греками 944 г. Византийское посольство встретило войско и флот Игоря на Дунае. Князь «созва дружину и нача думати» по поводу предложения императора заключить мир. В ходе переговоров киевский князь начал склоняться к подписанию мира с империей. Решающую роль в этом сыграли вышедшие из дружинной среды советники Игоря, решительно посовествовавшие князю принять условия мира, предложенные византийцами.

Построенный на русских фольклорных источниках, песнях и рассказах дружинников Игоря, рассказ «Повести временных лет» освещает события того года в крайне выгодном для Руси свете: «Царь [император Роман] посла к Игорю Лучшие боляре, моля и глаголя: “Не ходи, но возьми дань, юже имал Олег, придамь и еще к той дани”... Реша же дружина Игорева: “Да еще сице глаголеть царь, то что хочемь боле того, не бившеся имати злато и сребро, и паволоки?”... Послуша их Игорь... взем у Грек злато и паволоки и на вся воя, и възратися възспять»¹⁶. Летописец очень приукрасил события, в действительности Игорю пришлось подписать крайне невыгодный для его страны мир.

Как остроумно заметил В. И. Сергеевич, при Игоре «дружине нельзя приказывать, ее нужно убеждать» [Сергеевич, с. 305]. В летописи он выглядит зависимым от своей дружины князем. В его времена государственная власть не была достаточно сильной, а сам государь, по видимому, не обладал независимым характером и сильной волей, не пользовался авторитетом среди воинов, в отличие от своего предшественника Олега и сына Святослава. Игорь слушается дружину буквально во всем. Своевластие дружинников Игоря стало одной из причин его гибели в древлянском лесу осенью того года. Летопись Нестора живописует последний в его жизни поход против племенного княжения древлян. Роль его дружины в этом походе была определяющей: «В се же лѣто рекоша дружина Игоревы: “Отроки Свѣнелжи изодѣлися суть оружьемъ и порты, а мы нази. Поиди, княже, с нами в дань, да и ты добудеши и мы”. И послуша ихъ Игорь...». Слова «и послуша их Игорь» сопровождают главнейшие государственные мероприятия этого сына Рюрика и в конечном счете определяют его трагическую судьбу¹⁷. Он пошел в землю древлян, проявил неразумную жадность и жестокость к этим своим подданным и погиб от их руки.

Дружина выступает в летописи в качестве главной опоры князя и в рассказах о правлениях жены и преемницы Игоря Ольги и их сына Святослава. Мстя за убийство Игоря древлянам, Ольга, «поимши мало дружины», идет воевать это племенное княжение. Рядом с ней ребенок Святослав. Перед битвой он бросает свое детское копьецо в сторону древлян, и воеводы уважительно молвят: «Князь уже почаль; потягнѣте, дружина, по князь»¹⁸. Дружинники Ольги берут штурмом древлянский город Искоростень. Когда княгиня обустроивает государство, она также опирается на дружину: «Иде Вольга по Деревьстѣи земли съ сыномъ своимъ и с дружиною»¹⁹.

Рождение дружины у славян как социального слоя, военной институции и общественной прослойки историки относят к различным временам: от VI до первой половины X в.²⁰ Мнения исследователей разделились и по поводу стадии общественного развития, когда складывались дружины. Польский историк Т. Василевский обосновывал возможность формирования дружины

¹⁶ Там же. С. 23.

¹⁷ Там же. С. 26.

¹⁸ Там же. С. 28.

¹⁹ Там же. С. 29.

²⁰ Обзор мнений см.: Горский, с. 10 и сл..

еще в родоплеменном обществе [Василевский]. Ему возражал Х. Ловмянский, допуская гипотетическую возможность складывания дружин в родоплеменной среде для одноразового набега на близких и далеких соседей. Ведь в дофеодальный период у вождей попросту не хватало средств для содержания дружинников [Ловмянский]. В работах А. А. Горского время образования дружин относится ко времени генезиса феодализма, а дружинная знать формируется в годы возникновения раннефеодальных обществ [Горский, с. 35, 118].

Думается, дружина представляла собой продукт не столько решительного изменения социальных отношений, сколько зарождения и развития государственности. В руках князя она была средством принуждения и управления, взимания (часто насильственного) дани, защиты собственных интересов и населения страны от врагов. Археология свидетельствует, что наиболее многолюдные и мощные контингенты дружинников находились в ядре государства, в Среднем Поднепровье²¹. Это может говорить об активном участии дружины в процессе создания восточнославянской государственности.

Если в летописи Игорь выступает зависимым от своих дружинников князем, то его жена и преемница на киевском столе Ольга охарактеризована в качестве самовластной и свободной в своих государственных поступках правительницы. В то же время властители Руси второй половины X в. ее сын Святослав и внук Владимир изображены в «Повести» как подлинные дружинные князья. Значение и роль дружины в жизни государства, его внешней политике во многом сохраняются при преемниках Ольги. Святослав высоко ценит дружину, ее мнение о нем для него важнее прочих. Когда мать призывает его принять крещение, он смущенно отвечает ей: «Како азъ хочю закон прияти единъ? А дружина моя сему смеяться начнуть!»²² Но и дружина верна князю, делит с ним тяготы войны и походной жизни, бьется за него до последнего.

Охотно и подробно повествует Нестор о внимании и любви Владимира Святославича к своей дружине. Имею в виду эпизод с заменой дружинникам деревянных ложек серебряными (без сомнения, всецело заимствованный из фольклора): «Егда же подъпяхуться, начньяхуть роптати на князь, глаголюще: “Зло есть нашим головам: да намъ ясти деревянными лжицами, а не серебряными”. Се слышав Володимеръ повелѣ исковати лжицѣ сребрены ясти дружинѣ, рек сице, яко “сребромъ и златом не имам налѣсти дружины, а дружиною налѣзу сребро и злато, якоже дѣдъ мой и отецъ мой доискася дружиною злата и сребра”». Апофеозом дружинности звучат завершающие этот рассказ слова летописца: «Бѣ бо Володимеръ любя дружину и с ними думая о строи земленѣм и о ратехъ, и о уставѣ земленѣм...»²³. Разумеется, советниками Владимира были не несколько сотен дружинников, а лишь верхушка контингента воинов, из которой сложились и аппарат управления, взимания дани и судопроизводства, и княжеский совет, и администраторы во многих городах и землях страны.

Источники свидетельствуют, что усложнение структуры общества видится и в других категориях русских людей. В летописи за X в. появляются «челядин» и «челядь»²⁴, «робичич»²⁵, также невольный человек, старцы градские²⁶ и, конечно же, смерды, крестьяне.

Древнерусская государственность сложилась в восточнославянском обществе, которое оставалось еще родоплеменным. Логично назвать это государство середины IX — большей части X в. *надплеменным*, поскольку власть тогда не только отделилась от массы народа, но и поднялась над самой племенной верхушкой, приобрела индивидуальный характер. Государство было организовано уже по территориальному принципу, чем коренным образом отличалось от

²¹ Повесть временных лет. С. 29.

²² Там же. С. 30.

²³ Там же. С. 56.

²⁴ Там же. С. 19, 26, 30, 32.

²⁵ Там же. С. 36.

²⁶ Там же. С. 48, 49, 57.

предшествовавших ему протогосударственных объединений. Такова была *социальная сущность* Русского государства IX — большей части X в.

Договоры Руси с греками X в., и уже первый из них 911 г., представляют Русь как совокупность населения всех ее земель. Она выглядит в них не только особой социально-политической общностью со своей верховной центральной властью, собственными «законами» и «поконами», но и как общность этническая. В преамбуле договора с Византией 911 г. послы Олега выступают от «рода рускаго», представляют находившихся «под рукою его свѣтлых и великих князь, и его великих боярь». В договоре Игоря с греками 944 г. подчеркнуто, что его послы представляют как Игоря и «всякое княжье», так и «всех людей Руския земля». А дальше «люди вси рустии» названы участниками русско-византийского соглашения²⁷. Источник описывает Русь X в. как четкую социальную структуру, имеющую различные страты — от князей и бояр до просто людей, свободных и зависимых.

Емко и удачно определила *форму* древнерусской государственной общности X — начала XI в. Е. А. Мельникова — *дружинное государство* [Мельникова, с. 39]. Ведь правящая страта такого государства представляла верхушку дружины, из дружинников же состоял в течение длительного времени элементарный аппарат управления. На местах дружина осуществляла соби́рание дани и выполняла судебные функции.

Есть серьезные основания утверждать, что в эпоху Владимира завершается существование дружинной формы государственности. В повествованиях летописи о его сыне Ярославе дружина играет уже только военную роль. Однако и Ярославу до поры приходится считаться с нею. Рассказывая о его вокняжении в Киеве, Нестор не забывает вспомнить и об обеспечивших ему победу дружинниках: «Ярослав же съде Киевѣ, утеръ пота с дружиною своею...»²⁸. И в описании событий первой половины XI в. летописцы, следуя фольклорной традиции и отдавая дань общественному мнению, в котором столь много значила традиция вообще, продолжают воспевать любовь к дружине как высшую княжескую добродетель. Брата Ярослава, тмутороканского, затем черниговского князя Мстислава источники изображают последним дружинным властителем. В посмертном летописном панегирике Мстиславу сказано, что он «любяше дружину по велику»²⁹. А вот в обширной посмертной похвале Ярославу превозносится его мудрость, но ни словом не упомянута его дружина. Он не был воином и полководцем, проиграв почти все сражения.

Во времена Ярослава дружина и дружинность как явление общественно-политической жизни, аппарат управления и судопроизводства постепенно утратили свои позиции, что отмечено А. Е. Пресняковым при изучении памятников древнерусского права. Он утверждал, что в древнейшей части Правды Русской сохранились черты дружинного права, но они отошли на второй план, потому что новгородцы добились от князя защиты против самовольства дружинников. «Если это так, то княжеская власть впервые при Ярославе сперва на новгородской почве получает характер правительственной власти и князь из “начальника дружины” становится “земской властью”» [Пресняков, с. 370], властью для всего народа, а не выразителем интересов дружины, как было раньше.

Все же дружина продолжала занимать важное место в жизни страны и в середине XI — XII в., после княжения Ярослава и его сыновей и внуков. Но государство в то время утратило дружинную форму. Сама дружина расслаивается (источники различают старших и младших дружинников, отроков, гридей, дѣтских), преимущественно из нее выделяется боярство. Дружина перестает быть сплоченным правящим слоем, его с той поры составляет только ее верхушка. А рождавшееся с конца XI в. индивидуальное землевладение выдвинуло на первые роли иную

²⁷ Там же. С. 18, 23.

²⁸ Там же. С. 64.

²⁹ Там же. С. 66.

социальную верхушку: земельную аристократию из числа все тех же старших дружинников, крупного и среднего боярства и части племенной знати, сумевшей превратиться в бояр.

Перерастая в феодальную знать, дружинная верхушка сохраняла немалую роль в социально-политической жизни государства. Из нее выходили управленцы и советники князя. Так, накануне похода против половцев 1103 г. «сѣде Святополкъ (Изяславич. — Н. К.) с своею дружиною, а Володимеръ (Мономах. — Н. К.) с своею въ единомъ шатрѣ» и обдумывали будущую войну с кочевниками. А Мономах в своем «Поучении» начинает описание повседневных занятий князя со слов: «И сѣдше думати с дружиною»³⁰. Со временем, в течение XII в., многие старшие дружинники были заменены в государственном управлении младшими, менее заслуженными, а также и людьми, с дружиной вовсе не связанными. В источниках появляется термин «дворяне», люди княжеского двора. Они уже пребывали в жесткой зависимости от государя [Кобрин, Юрганов, с. 56–57]. Дружинные ценности и реальности постепенно отходят в прошлое.

Древнерусское государство XI–XIII в. многие историки считают феодальным, но когда оно им становится или начинает превращаться в него? Была ли Русь времен Олега, Игоря и Ольги, Святослава и Владимира феодальной или хотя бы предфеодальной? На этот вопрос в науке не существует ясного и определенного ответа. Элементы феодального уклада выступают в восточнославянском обществе достаточно рано. Имею в виду развитие социальной структуры общества, возникновение все новых и новых его элементов, усложнение ранее существовавших, что показано мною на примере дружины. И когда эти элементы начинают занимать заметное место в социуме? Чтобы попытаться ответить на эти и некоторые другие вопросы, возникающие при чтении источников, приходится обратиться к ним самим.

Летописи называют особые категории средней и младшей дружины: гриди и отроки. Рассказывая о пирах Владимира, Нестор сообщает: «По вся недѣля устави на дворѣ въ гридницѣ пирѣ творити и приходити боляром и гридем, и съцькимъ, и десятицьскимъ, и нарочитымъ мужем, при князи и безъ князя»³¹. Эти гриди, как следует из контекста «Повести», в 1014 г. составляли основную часть дружины Ярослава Владимировича в Новгороде. Сидящий при жизни отца наместником в Новгороде Великом Ярослав собирал дань, платил из нее в Киев две тысячи гривен в год, «а тысячу Новѣгородѣ гридемъ раздаваху»³². Членом младшей княжеской дружины гридь представлен в Правде Русской.

Младшими дружинниками в источниках называются княжеские отроки³³. Но так называли также княжеских и боярских слуг. В 1015 г. отроки составляли ближайшее окружение сына Владимира Святославича, Глеба, которого решил устранить Святополк Окаянный: «Отроки Глѣбови уныша». Близким к его старшему брату Борису был отрок венгерского происхождения, также павший от рук убийц, подосланных Святополком³⁴. В «Поучении» Мономаха упоминаются отроки, прислуживавшие ему во дворце: «не зрите на тиуна, ни на отрока», «еже было творити отроку моему, — вспоминает Владимир Всеволодич, — то сам есмь створиль»³⁵. Отроков знает и Галицко-Волынская летопись. В рассказе о событиях 1231 г. описано трудное положение князя Даниила Романовича в борьбе с боярской оппозицией: «Самому же Данилу съззавшю вѣче, оставшюся въ 18 отрокъ вѣрныхъ, и съ Демяномъ тысяцькимъ своимъ»³⁶. Из этого текста, чрезмерно драматизирующего события того жаркого лета, явствует, что эти отроки составляли личную охрану государя. Не только дружина, но и другие составные части древнерусского

³⁰ Там же. С. 102, 117–118; [Пресняков, с. 183, 158].

³¹ Повесть временных лет. С. 56.

³² Там же. С. 58.

³³ См.: Словарь древнерусского языка (XI–XIV в.). М., 2000. Т. VI. С. 208–209.

³⁴ Повесть временных лет. С. 59, 60.

³⁵ Там же. С. 101, 104.

³⁶ Галицко-Волинский літопис / За ред. М. Ф. Котляра. Київ, 2002. С. 94.

общества с течением времени выглядят в источниках все более расслоенными. Выше это было показано на примере наиболее часто встречающейся категории свободного привилегированного населения — мужей.

В доклассовых обществах существовало немало государственных образований нефеодалного типа. В Восточной и Центральной Европе таковыми были аварское VI—VII в., хазарское VIII—X в., монгольское XIII в. Мне могут возразить: мол, дело было в особой специфике социального развития кочевнических этносов. Однако мало кто сомневается сегодня в бытовании государственности у скандинавских народов в конце IX—X в., когда они переживали эпоху родоплеменного строя. Государственным образованием в родоплеменной среде было и славянское государство Само, возникшее в VII в. на Среднем Дунае. Оно обладало основополагающими признаками государственности: отчуждение власти от народа и организация населения по территориальному принципу [Авенариус, с. 72].

Жесткую и буквальную связь между зарождением государственности и складыванием феодального общества последовательно отстаивал Б. Д. Греков. В книге «Феодальные отношения в Древнерусском государстве» (1935 г.) историк рассматривал это государственное образование как феодальное уже в X в. Эта новая для того времени мысль подверглась резкой критике со стороны известных ученых старшего поколения: Н. Л. Рубинштейна, С. В. Бахрушина, В. А. Пархоменко. Они отрицали саму возможность бытования феодального уклада в Киевской Руси IX—X в., заодно ставя под сомнение и существование в то время самой державы, объединяющей восточных славян (см.: [Рубинштейн; Бахрушин; Пархоменко]).

Б. Д. Греков, конечно же, ощущая поддержку институций официальной идеологии и власти, видевшей в необычно раннем существовании феодального государства на Руси доказательство ее извечного пребывания в круге передовых стран Европы и Ближнего Востока (а возможно, находясь под давлением этих институций), в течение второй половины 30-х годов XX в. настойчиво и последовательно проводил мысль о возникновении этого государства в качестве феодального в IX в. И все же под влиянием профессионального неприятия его взглядов авторитетными учеными и не утихавшей конструктивной критикой³⁷ Б. Д. Греков в годы Великой Отечественной войны был вынужден признать дофеодалный характер Киевского государства IX—X в. [Греков, 1944, с. 184]. Но ненадолго.

К началу 50-х годов XX в. под идеологическим давлением партии, как и ранее, возобладало стремление как можно глубже во времени отодвинуть начало феодальных общественных отношений в Древнерусском государстве. Партийно-государственная верхушка тщилась провозгласить страну, одержавшую трудную победу в Великой Отечественной войне, испокон самой передовой во всем мире, в которой все процессы и явления социально-экономической и культурной жизни происходили раньше, чем во всех иных странах мира. Отсюда в значительной мере пошла и печальной памяти борьба против «космополитизма» и «космополитов», и назойливое стремление объявить едва ли не все открытия мировой науки и техники впервые сделанными на Руси и в России. Не смог уклониться от этого и Б. Д. Греков. В последнем прижизненном издании своего классического труда «Киевская Русь» (1953 г.) он отнес начала восточнославянской государственности к VII—VIII в., одновременно предложив рассматривать как полуфеодалный период ее истории VI—VIII в. А Киевская держава, возникшая в IX в., будто бы искони была государством феодальным. Эти мысли великого историка, не имевшие, к сожалению, подтверждений в источниках, на долгие годы возобладали в нашей историографии.

³⁷ Большинство историков той поры рассматривало эпоху IX—X в. как дофеодалную, переходную от родового уклада к раннефеодалному. Последовательно развивал эту мысль С. В. Юшков в книге «Очерки по истории феодализма в Киевской Руси» (1939 г.). По его мнению, лишь в конце X в. на Руси начали складываться феодальные отношения [Юшков, с. 26—43]. Эта мысль представляется мне научно корректной и в наше время.

Безусловное и непосредственное увязывание государственности с существованием феодального уклада отразилось в трудах многих историков позднейшего времени. Например, В. Д. Королюк, меньше всего заслуживавший упреков в начетничестве и догматизме, предложил считать начальным рубежом раннефеодального периода для всех славян, западных, южных и восточных, VI—VII в., обосновав свое мнение соображением, что в VII в. источники засвидетельствовали у всех трех ветвей славян первые попытки организации относительно крупных политических формирований. Ученый видел наиболее раннюю и элементарную форму славянской государственности в племенных княжениях и думал, будто в них могли существовать феодальные отношения [Королюк, с. 4 и сл.]. Это мнение уже тогда выглядело, по меньшей мере, спорным.

Однако современные историки в большинстве своем не разделяют мнения о существовании феодального уклада в восточнославянском обществе до X в. Недостаточная аргументированность этого утверждения постоянно вызывала и вызывает острую критику у нас и за рубежом. Своеобразной реакцией на подобные, не опирающиеся ни на источники, ни на логику исследования мысли можно, в частности, считать работы И. Я. Фроянова, утверждавшего, будто восточнославянское общество оставалось родоплеменным не только в VII—IX, но и в X—XI в.³⁸ Доказательства историка в пользу этого мнения представляются неубедительными.

* * *

В кратком историографическом обзоре, открывающем эту статью, мною было отмечено, что, по мнению большинства ученых, государство на Руси образовалось в конце IX в. Л. В. Черепнин в 1972 г. назвал его феодальным [Черепнин, с. 145 и сл.]. Думается, было бы осторожнее сказать, что конец IX в., время Олега Вещего, был лишь отправной точкой в длительном и неоднозначном процессе государственного созидания. Но складывалось ли это первое восточнославянское государство нога в ногу с возникновением феодальных отношений, более того, было ли вызвано их рождением? На эти естественные вопросы в наше время приходится ответить отрицательно.

Сугубо упрощенным и догматическим пониманием и толкованием процессов и явлений общественно-экономического развития человечества была вызвана к жизни мысль, до настоящего времени распространенная в научной литературе, будто государственность представляет собой непременно продукт эволюции классового общества, применительно к славянам — феодального. Засвидетельствованное источниками, главным образом летописями, существование государства (в нашем случае Древнерусского) признавалось, да и поныне признается, решающим доказательством бытования феодального уклада в Восточной Европе.

Во времена Ярослава Владимировича дружина и дружинность как явления общественно-политической жизни постепенно теряют свои позиции, оставаясь важной военной силой в руках государя. С XI в. государство перестает быть дружинным, им управляют иные, уже не дружинные люди: те же бояре и выходцы из более демократических слоев населения. Этот процесс берет начало во времена княжения Ярослава. Тогда же набирает силу процесс генезиса и начального развития феодальных отношений. Для времени после середины XI в. есть, на мой взгляд, основания говорить о существовании основ феодального уклада в Древнерусском государстве. Конечно, его утверждение стало делом не столь уже близкого будущего, но в XI в. этот процесс начался и набирал силу.

Следует признать, что образованию государственности на определенном этапе эволюции сопутствовали явления феодализации, и все же это были явления разного порядка, особенно если не сводить феодальный уклад к имущественным, земельным отношениям. Возникновению и

³⁸ См., например: Фроянов.

развитию государственности способствовали этнические, культурные, идеологические и прочие процессы, лежавшие в общественно-экономической плоскости, тогда как государство рождалось в области отношений социально-политических.

Литература

- Авенариус А.* «Государство Само». Проблема археологии и истории // Этносоциальная и политическая структура раннефеодальных славянских государств и народностей. М., 1987. С. 66—74.
- Бахрушин С. В.* К вопросу о русском феодализме // Книга и пролетарская революция. 1936. № 6. С. 44—48.
- Василевский Т.* Организация городской дружины и ее роль в формировании славянских государств // Становление раннефеодальных славянских государств. Киев, 1972. С. 106—112.
- Горский А. А.* Древнерусская дружина. М., 1989.
- Греков Б. Д.* Начальный период в истории русского феодализма // Вестник Академии наук СССР. 1933. № 7. С. 13—18.
- Греков Б. Д.* Рабство и феодализм в Древней Руси // Известия ГАИМК. М.; Л., 1934. Вып. 86. С. 5—66; 145—163.
- Греков Б. Д.* Киевская Русь. М.; Л., 1944.
- Греков Б. Д.* Киевская Русь. М., 1953.
- Гуревич А. Я.* Проблемы генезиса феодализма в Западной Европе. М., 1970.
- История СССР с древнейших времен до наших дней. Первая серия. М., 1966. Т. I.
- Кобрин В. Б., Юрганов А. Л.* Становление деспотического самодержавия в России // История СССР. 1991. № 4. С. 54—64.
- Королюк В. Д.* Раннефеодальная государственность и формирование феодальной собственности у восточных и западных славян (до середины XI в.). М., 1970.
- Ле Гофф Ж.* Цивилизация средневекового Запада. М., 1992.
- Ловмянский Х.* Основные черты родоплеменного и раннефеодального строя славян // Становление раннефеодальных славянских государств. Киев, 1972. С. 4—16.
- Мельникова Е. А.* К типологии становления государств в Северной и Восточной Европе // Образование Древнерусского государства. Спорные проблемы. М., 1992. С. 95—99.
- Пархоменко В. А.* Характер эпохи Владимира, принявшего христианство // Уч. зап. Ленинград. ун-та. Серия ист. наук. 1941. Вып. 5. С. 202—213.
- Пресняков А. Е.* Княжое право в Древней Руси. Лекции по русской истории. М., 1993.
- Рубинштейн Н. Л.* Рец. на кн.: Памятники истории Киевского государства // Историк-марксист. 1938. № 1. С. 130—132.
- Сергеевич В. И.* Русские юридические древности. СПб., 1890. Т. I. Территория и население.
- Смирнов И. И.* Очерки социально-экономических отношений Руси XII—XIII в. М.; Л., 1963.
- Третьяков П. Н.* Восточнославянские племена. М., 1953.
- Третьяков П. Н.* У истоков древнерусской народности. Л., 1970.
- Tentons l'expérience // Annales: E.S.C.* 1989. № 6. P. 1317—1323.
- Фроянов И. Я.* К истории зарождения Русского государства // Из истории Византии и византиноведения. Л., 1991. С. 61—93.
- Черепнин Л. В.* Спорные вопросы феодальной земельной собственности в IX—XV в. // Пути развития феодализма. М., 1972. С. 126—251.
- Юшков С. В.* Очерки по истории феодализма в Киевской Руси. М.; Л., 1939.